

-0,

Иван появился, — сказала невысокая худенькая женщина, сидевшая возле подъезда. — Не иначе, за бутылкой потащился. Мужики только с виду крепкие, а на самом деле они — слабые. Быстро ломаются. Я понимаю его. Такое горе на него свалилась. Здесь здоровый мужик не выдержит, а ему тем более тяжело, но все равно нужно жить, сжать покрепче зубы и жить, а он... Эх, что говорить-то...

Не договорив, она нахмурилась, взглянула на него и махнула рукой.

Женщины, сидевшие рядом, кивая на соседа, наперебой стали о чем-то разговаривать.

— Да пошли вы... — привычно отмахнулся Иван, надвинул кепку на глаза и, выставив плечо вперед, словно сквозь пургу пробивался, прошел мимо них и буркнул, не оглядываясь. — Ты, ехидна, попридержала бы язык. Тоже мне, нашлась жалельщица. Понимает она...

— Не мой язык, а тебя нужно держать, чтобы окончательно с катушек не слетел, — она ткнула пальцем вслед. — Скажу дочери. Вот увидишь!

— Говори, что хочешь, мне плевать, — сказал Иван. — Лучше сдохнуть, чем...

Он зашелся в кашле, сплюнул и, сгорбившись, уже не слушая соседей, направился к магазину.

...В новую пятиэтажку, стоявшую на окраине города, Иван Воронин с семьей перебрался одним из первых. Взглянешь на дом — на редких окнах занавески или тюль, а остальные еще зияли пустотой. Пока таскали вещи, заметил, что в подъезде всего лишь две-три квартиры были заселены. Вскоре начнут переезжать, и оживет двор, двери захлопают, разнесутся голоса ребятих да изредка распахнется окно и кто-нибудь крикнет, чтобы ребята бежали ужинать или обедать, а то начнут загонять спать. И они помчатся, чтобы завтра снова встретиться во дворе...

Иван частенько приходил сюда, когда строился дом. Подолгу бродил по квартирам, в которых еще работали отделочники, осматривал квартиры, с рабочими советовался, выходил на балконы и оглядывался по сторонам, и уже тогда он знал, какая квартира ему приглянулась, но молчал, если жена спрашивала. Смеялся: какую выделят, в той жить будем. А супруга его, Антонина, мечтала на первый этаж или на второй этаж переехать, потому что до ужаса боялась высоты и уговаривала Ивана, чтобы тот поговорил с начальством, может, выделят квартиру пониже этажом. Иван обещал поговорить, а когда стали распределять квартиры, он выбил на пятом — последнем этаже. Сказал, что не любит, когда над головой топают, а еще с балкона открываются чудные виды на холмы и юркую речушку, заросшую кустами, что вьюном кружилась между ними, и рыба в ней водилась, но мелкая — пескаррики там, окушки с ершами и вьюнки с верховками. А еще неподалеку от них за речкой видна опушка леса, где полным полно ягод и грибов, а от полевых цветов в глазах рябит, и он готов был спускаться и подниматься на последний этаж, чтобы вечерами сидеть на балконе, распивать чай и любоваться местными красотами. Эх, благодать-то какая! И стал просить квартиру на пятом этаже. Ивану пошли навстречу и выдали ордер на квартиру, о которой он мечтал...

Супруга его, Антонина, когда узнала, что дают квартиру на пятом этаже, готова была остаться в поселке, где они проживали с дочкой и сыном. Но оставаться было нельзя, потому что бараки должны пойти под снос. И волей-неволей, но пришлось смириться, что Иван, обормот этакий, согласился на квартиру на пятом этаже, от которой умные люди всегда отказываются, потому что они живут не одним днем, а смотрят в будущее. И высказав ему все, что было на душе, она взялась укладывать вещи, готовясь к переезду, но предупредила, что ни в жизнь, ни ногой не ступит на балкон и к окну постарается не подходить, потому что у нее сразу же будет головокружение.

С переездом не затягивали. Это сейчас пожитков набралось бы не на одну машину, а в те времена лишь самое необходимое: кровать, две раскладушки, стол и платяной шкаф — это увезли на грузовике, а остальную мебель, если потребуется, решили взять в кредит. Иван с друзьями быстренько перетаскали немногочисленные вещи в квартиру. Рассовали по углам, на середину поставили стол, на него бутылку, простенькую закуску, выпили, закусили, покурили на балконе, где Иван тут же принялся хвастаться чудными видами, снова по рюмке пропустили — и дружки отправились по домам, оставив хозяев обживать новую квартиру.

Ивану не спалось в первую ночь. Супруга с ребятами заняли спальную комнату. Иван остался в зале. И всю ночь бродил по квартире. Заходил на кухню. Щелкал выключателем, посматривая на тусклую лампочку. Наливал чай. Выглядывал в окно, на которых еще не было занавесок. Открывал краны, прислушиваясь к шуму воды. Потом заходил в

ванную и подолгу любовался белоснежной ванной и тоже открывал воду, наблюдая, как брызги разлетались в разные стороны. Затем спускал воду в унитазе, присаживался на него, и сразу же вспоминалась общая уборная в бараке, особенно в зимнюю морозно-трескучую пору, а сейчас-то какая благодать наступила, хоть круглые сутки сиди и не замерзнешь. Он смотрел и радовался. Наконец-то у них появилась своя квартира. Нет, он не жаловался на жизнь. Наоборот, у него все благополучно складывалось. Другим тяжелее пришлось, а он родился в городе и жил с родителями. Отслужив в армии, перебрался в соседний город. На завод устроился. Не захотел каждый день мотаться домой, хоть и были дежурные автобусы. Он попросил место в общежитии. Родители ругали его, что он надумал в общагу перебраться. А Иван посмеивался. Живут же люди, и он будет жить. Пора привыкать к самостоятельной жизни, он сказал. Собрал вещички и переехал в общежитие.

И началась самостоятельная жизнь. Где поел, где недоел, где голодным остался, то простоянуть забыл и ушел на работу в грязной рубашке, то штаны порвал, а латать не умеет. Но жизнь всему научит. Потихонечку, но преодолевал все препятствия.

И с будущей женой познакомился здесь же, в этом самом общежитии, когда заманили его на собрание в Красный уголок. Рядышком сидели. Друг на друга глядели искоса и взгляды отводили. У Ивана что-то внутри шевельнулось. Обожгло, аж дыхание перехватило. И Антонина взглянет — и щеки огнем полыхнули. Опять покосится и снова краснеет. А после собрания Иван позвал ее прогуляться. Она согласилась. С того вечера стали встречаться.

Про любовь не говорили. Слова — это ветер в поле, как смеялся Иван. И говорил, что главное — здесь: стучал кулаком в грудь. Прижмет к себе Антонину — и дыхание перехватывает. Возьмет в свои ручищи ее маленькие замерзшие ладошки, подышит на них, согревая, и она радуется. Подарит простенькое колечко или сережки, а она засмеется, прижмется к нему, взглянет на него, полыхнет румянцем и тут же отскочит, смутившись. А у него дух захватывало, что угодил подарком. Много ль нужно для простого человеческого счастья? Да всего ничего! У каждого человека свой взгляд на счастье. А им малого хватало, чтобы быть счастливыми.

Вскоре свадьбу сыграли. Хотели квартиру снять, а тут Антонине выделили жилплощадь в бараке. Антонина сразу принялась наводить порядок в комнате, куда притащили старенькую односпальную кровать, наспех сделанный стол и этажерку, вот и все хозяйство. Да еще по мелочи — посуда там, стопочка книг и газет, и две гераньки на подоконнике.

И началась семейная жизнь. Вернутся с работы, поужинают, а потом уходили гулять или сидели на лавке возле барака, словно голубки и неговориться не могли. Каждый день словно первый. Любому пустяку радовались. Соседи подшучивали, вроде живете который месяц, а словно на первом свидании — посмотретья друг на друга не можете. Они смеялись, так и нужно жить друг для друга, радуясь каждому пустяку, каждой мелочи — это и есть настоящее счастье.

Здесь же родилась старшая дочка. А потом, уже перед самым переездом в пятиэтажку, родился поздний, но очень долгожданный сынок. И в семье было сразу две радости — квартиру получили и сын родился. Перебрались в новую квартиру. Весь день крутились, расставляя вещи, раскладывая по местам, а ночью, когда жена с ребятишками ушли в другую комнату, Иван долго не мог найти себе место. Все казалось, сейчас гро-

мыхнет барачная дверь, и кто-нибудь затопаёт по скрипучим полам или в какой-нибудь комнате загорланит подвыпивший сосед, а может через стенку заплачет ребенок, и его долго будут успокаивать, напевая колыбельные песни. А в новой квартире не жизнь, а благодать!

Иван жмурился от удовольствия, блуждая по квартире. Выходил на балкон. Облокотившись на перила, курил, поглядывая сверху на всполохи сварки на стройке, потому что строительство новых домов шло круглосуточно, чтобы всех нуждающихся обеспечить жильем. И обеспечивали. Люди не задумывались, как они будут жить, потому что у них вся жизнь была расписана на многие годы вперед.

Иван стоял, поглядывал на голубые всполохи и на вереницу машин, что шумели под окнами. Прислушивался к редким разговорам, что доносились в ночной тьме. Ниже этажом кто-то засмеялся. Приглушенно взвизгнула женщина, не испугавшись, а весело, и вслед глухо хохотнул мужик. Окуроч прочертил огненную дугу в ночи и исчез. Они о чем-то заговорили вполголоса. Женщина отнекивалась, что-то шептала и отказывалась, а потом сдалась. И они зашли домой, захлопнув балконную дверь. Жизнь продолжается, а может только начинается на новом месте в новом доме...

Годы быстро летят, и не замечаешь. Казалось, недавно переехали, всего несколько лет прошло с той поры, а гляди ж ты, старшая дочка замуж засобиралась. И жениха себе нашла аж из Владивостока, словно поближе не было, но сердцу не прикажешь. Сыграли свадьбу и молодые уехали, но обещали навещать. Пусть не так часто, как бы хотелось, но все же без внимания не останутся.

Младший сын, последний, был долгожданным, потому что супруга долго не могла забеременеть, что-то нашли у нее, и пришлось лечиться. Уж было отчаялись, что всего лишь одна дочка будет, а тут жена сюрприз преподнесла, сказала, что ждет ребенка. Иван готов был на руках ее носить. Жили, радуясь каждой мелочи, каждому незначительному пустяку. Жена его, Антонина, умела углы сглаживать. Там словечко скажет, здесь по головке погладит, словно маленького, а тут прижмет, а ночью жаром полыхнет, и у Ивана не было причины с ней ругаться. Наоборот, он радовался, что у него такая жена. И сам старался отплатить такой же монетой. А много ль нужно для простого счастья? Да всего ничего — из двух половинок стать одним целым! Наверное, они стали, поэтому жили душа в душу.

Перед самым переездом на новую квартиру родился сын. Неизвестно, кто больше радовался — жена или Иван, но над сыном тряслись оба, пылинки сдували, шагу не давали ступить, а вдруг упадет и поранится или ножку сломает, а вдруг... И этих «вдруг» и «если» было столько, хоть на улицу не выпускай. И не пускали. Только с собой, только под присмотром и держась за ручку. Казалось, глаз с него не спускали, но просмотрили...

Нет, можно сказать, что они не были виноваты в случившемся. Беда не приходит одна, как говорится. Сначала Ивана придавило на работе. Тельфером перетаскивали трубы, а стропы не выдержали, и трубы полетели вниз. Иван не успел отбежать. Напарника спас от верной гибели. Успел оттолкнуть его, сам попал под трубы. Накрыли его, словно катком по нему проехали. Пока разобрали, растащили трубы, он еле дышал. В больницу отправили. Весь переломан. Живого места не было. Думали, что все, в лучшем случае останется лежачим и с уткой под кроватью, а в худшем... Но Иван выкарабкался. Антонина дневала и ночевала возле него. Выха-

живала, лишь бы его поставить на ноги. И выходила. Врачи удивлялись, что он поднялся на ноги. И не только встал, но и потихонечку приучался ходить. Шажок, другой, третий... Тяжело было, но Антонина всегда была рядом, поддерживая его. Одну ногу по частям собирали, по осколочкам. Здесь врачи не ошиблись, сказали, что на всю жизнь останется калеккой. Какой из тебя работник, если не только ходить не можешь, но даже плечо осталось приподнятым и при ходьбе казалось, что он одним плечом пробивает дорогу, выставив его вперед, а ногу подволакивал. И ребра были сломаны, и еще столько всего, что врачи удивлялись, что в живых остался. Другой бы на его месте давно бы помер, а он выкарабкался, да еще про работу спрашивает. Какая работа? Сиди на инвалидности и не рыпайся! В общем, вчистую списали. И на работе обвинили его, будто бы сам сунулся под трубы. Его никто не заставлял. Сам нарушил технику безопасности. Всю вину свалили на него.

Иван места себе не находил, когда узнал, что его отправляют на инвалидность. Как списать, если еще молодой? Поковыряйтесь во мне, отрежьте что-нибудь или нарастите, может, хоть слесарить смогу или плотничать, руки-то работают, я же молоток или гаечные ключи не ногами держу, а руками. Ну как мне жить, если в таком возрасте уже стал инвалидом. Я еще детей могу клепать, а вы меня... Ну, как же так, а? Как-как... Как другие люди живут, говорили врачи. Живут и не жалуются. Вот и ты радуйся, что живой остался, а мог бы и... они кивали на окно, показывая на городское кладбище. Эх, да лучше бы туда, чем стать калеккой. А супруга успокаивала. Время лечит. И ты поднимешься. Главное, что голова на плечах и руки шевелятся. Я сегодня узнавала, что в обувную мастерскую требуется сапожник, а ты же умеешь обувь ремонтировать. Со всего двора к тебе за помощью обращаются. Вот тебе и работа нашлась. Раньше за «спасибо» ремонтировал, а теперь за такую же работу еще деньги будут платить. Я договорилась. Они будут ждать, когда оклемаешься и сможешь приступить к работе. Не волнуйся, Ванечка, проживем! Я поставлю тебя на ноги. Главное, что живой, а остальное дело поправимое. И прижимала его к себе, успокаивала...

Иван запросился домой. Дома стены лечат, как говорится. Обещали выписать, а тут с сыном беда произошла. Неугомонный был. Силу некуда тратить, если постоянно быть под присмотром. Вырвался от матери, когда они направились в больницу и помчался через дорогу, а машина вывернула из-за поворота. Шофер ничего не успел сделать. Слишком неожиданно мальчуган выскочил на дорогу. Под колеса угодил. Умер. Сразу.

А после похорон, когда старшая дочка уехала, у Ивана разболелась супруга. Умом тронулась, исподтишка говорили соседи и крутили пальцами возле виска. И правда, Иван заметил, что жена стала заговариваться. Сядет, бывало на диван или возле стола и начинает перебирать вещи сына или его игрушки, а сама разговаривает, словно с живым, а то начнет смеяться. И смех какой-то пугающий. Сначала тихо посмеивается, а сама к чему-то прислушивается, а потом все громче и громче. И закатытся, аж слезы на глазах выступают. И все к Ивану приставала, что он не смеется над проделками сына. Вот же, глянь, что он вытворяет. И тыкала пальцем в пустоту, и снова заходила в смехе. Иван прятал игрушки, но супруга находила, и снова начинались бесконечные разговоры с сыном и этот непрерывный пугающий смех.

Иван вызвал врача. Молоденькая приехала. Видать, только после института. Посмотрела на супругу. Иван рассказал, с чего началось. Она

покачала головой, посочувствовала. Сказала, что это бывает и ей нужно побольше положительных эмоций, и тогда все встанет на свои места, но если дальше будет продолжаться, придется в больницу везти, а пока полечится в домашних условиях. Выписала лекарства, велела сходить за ними в аптеку. И ушла.

Следом за ней сбродился Иван. А кому идти, как не ему? Хотел было стукнуть к соседке, но услышав, как она костерит своего мужика, не стал. Жену запер на ключ, а сам потихонечку побрел на костылях. Пока туда дотащился, очередь отстоял. Пока обратно вернулся. Подошел, а возле дома «скорая» стоит и милиция. Сердце екнуло, когда увидел. Беду почувял. И правда, снова беда в дом пришла. Пока он ходил в аптеку, супруга с балкона шагнула. Сын позвал. Соседи слышали, как она вышла на балкон, все говорила с кем-то, а потом вскрикнула, мол, подожди меня, сынок. Я иду к тебе, иду. Жди меня... Встала на табуретку, на которой Иван всегда сидел на балконе и курил. Встала и шагнула, чтобы встретиться с сыном. Умерла. Сразу.

Иван сломался. Не выдержал. Слишком много бед свалилось за столь короткий срок. Сначала сам попал в больницу. Еле спасли, до такой степени был плох. Жена сутками от него не отходила. С ложки поила-кормила, лишь бы на ноги поставить. И выходила. Оба радовались, что он вернется к нормальной жизни. Пусть на инвалидности, но руки и голова есть, а значит, сможет работать. Планы грандиозные, но им не суждено сбыться. С сыном произошла беда. И буквально следом за ним с женой случилось несчастье. Навалилось сразу. Комом. Таким тяжелым грузом придавило к земле, что Иван не выдержал. Лопнуло что-то внутри. Видать, главный стержень жизни сломался. Запил. Хотел горе водкой залить, но бесполезно. Себя винил во всех бедах. Если бы не попал в больницу, сына бы машина не задавила. А если бы не пошел в аптеку, а отдал рецепты соседке или попросил посидеть с женой, тогда бы с ней ничего не случилось. И так посмотрит, и сяк взглянет и везде он виноват. И стал пить. Много. А напьется, поставит фотографии на стол, разговаривает с ними и плачет. Снова выпьет. И опять говорит. Все жаловался на свою жизнь. Все сына жалел и жену, а себя ругал, что их не сберег. И засыпал тут же за столом. А проснувшись, снова тащился в магазин...

Старшей дочке, едва вернувшись после похорон брата, снова пришлось ехать на похороны. На этот раз муж и дети поехали с ней. Слишком большое горе свалилось на них. Ей тяжело, а отцу еще тяжелее. Видела, как он изводил себя, как пил, не просыхая, потому что винил в этих бедах только себя одного и никого более. И пил. Много! Дочка уговаривала, чтобы отец к ним перебрался. Хотя бы на время, пока не оклемается. Ни в какую! Иван отказывался ехать. Как он может умотать за тридевять земель, если тут лежат и сын и супруга. И отказывался. Дочка с семьей долго пробыли тут. Вроде у Ивана на душе должно стать полегче, что внуки рядышком, что отвлекают его, а взглянет на них — и снова появляются слезы. То ночами вскакивал, когда сына или супругу видел во сне, где они веселые были и он без костылей. Снилось, что гуляют или возле реки сидят, а сами наговориться не могут, словно потерянное время хотят вернуть. Иван поднимется утром. Глаза в пол — и все норовил в магазин уйти. И дочка не выдержала. Долго с ним разговаривала и уговорила. Соседи пообещали присмотреть за квартирой и могилками. И дочка забрала отца к себе. Надеялась, что вернет его к жизни.

Может, незнакомый город повлиял, может, чужая семья и чужие

люди вокруг или больница помогла, где он несколько раз лежал, а может, местные знахари, которые лечили его заговорами и травками, да Иван с трудом, но все же взял себя в руки, а потом запросился домой, когда на душе полегчало. Загостился. Затосковал. Уезжал на месяц-другой, а исчез на три долгих года. И уехал, пообещав дочке, что будет держать себя в руках.

...Иван вывернул из-за угла дома. И правда, фамилия Воронин подходила ему. Вроде еще не старый, но из-за горя, что свалилось на него, сейчас он больше был похож на старого покалеченного ворона. Сам в темной одежде, нахохлившись из-за приподнятого плеча, опустив чернущую голову, зыряка исподлобья по сторонам, он медленно шагал, подволакивая ногу, и делал вид, будто не замечает соседок, которые сидели на лавке возле подъезда. Вчера принесли пенсию. Ну и того... Пошел в магазин за продуктами и не удержался, сначала взял одну бутылку, походил по отделам, и снова вернулся и купил еще несколько бутылок пива. А утром проснулся, голова словно чугунная. Глянул, похмелиться нечем. Пришлось в магазин тащиться. И сейчас ему хотелось побыстрее юркнуть в подъезд, подняться к себе, закрыться и никому не открывать дверь, пусть хоть потоп, хоть пожар — ему было наплевать. Он не то что хотел похмелиться, он хотел остаться наедине со своим одиночеством, к которому давно привык.

— Эй, Иван, здоров был, соседушка! Ну и как, вчера хорошо погулял? — окликнула одна из соседок. — До полуночи радио орало. Опять дурью маешься? Пенсию с гулькин нос получаешь, с хлеба на воду перебиваешься, но еще умудряешься напиться. И откуда деньги берешь на эту пьянку, а? Ты же насквозь больной, весь переломанный, на тебе живого места не осталось, а еще пьешь. Другой бы загнулся, а тебе хоть бы хны. Хоть бы о себе подумал, о своем здоровье...

— От водки микробы дохнут, — брякнул Иван. — Поэтому меня ничего не берет, даже смерть с косой. Эх, да лучше бы забрала, чем так жить. День прошел, ну и...

И махнул рукой, заматерился.

— Дурак! Да разве можно такое говорить? — всплеснула руками соседка. — При Антонине не пил, а сейчас что хочет, то и делает и никто ему не указ, — и ткнула пальцем. — Обормот!

— Да пошла ты... — буркнул Иван. — И без тебя тошно...

И закондылял к подъезду.

— Не лайся, Любка, — толкнула соседку другая, Ирина Петровна — она была подружкой покойной супруги Ивана и поэтому старалась его защитить, если была возможность. — Слышь, Вань, опять за бутылкой ходил? Да лучше бы пожрать купил, чем ее — проклятущую. Ну сколько можно с тобой разговаривать на эту тему? Прекращай это нехорошее дело, завязывай, а то напишу твоей дочери, что снова стал в бутылку заглядывать. Она вмиг примчится. Завязывай...

Еще одна соседка что-то ехидно сказала, но Иван сделал вид, словно ее не слышит. А последняя, самая маленькая, больше похожая на девочку — подростка, чем на взрослую женщину, поморщилась и кивнула, поправляя косынку.

— Зарекалась свинья... — Она не договорила, взглянув на него, и махнула рукой. — Пока жена была под боком, присматривала за ним, а ее не стало, вот и распоясался. Свободу почувал... — И сказала, словно плюнула: — Алкашенок, а не мужик! Настоящий мужик должен в любой ситу-

ации оставаться мужчиной, а не махать на себя рукой. Не успеешь оглянуться, как очутишься на самом дне.

Она хмуро посмотрела и ткнула пальцем в него.

— Сама ты, Машка, свинья, — здесь уже сам Иван не выдержал и приостановился. — Нет, не свинья, а ехидна рыжая. Тебе-то какое дело, пью я или нет. Да что ты понимаешь в моей жизни? Я, может быть, до сих пор горе не могу залить, а ты... Устал я от этой жизни. Ох, как устал! — Он махнул рукой, взглянул на нее и сказал: — Слышь, Манька, а чего проходу не даешь мне? Пристаешь, как банный лист. Может, понравился? Так скажи. Бутылочку возьму, и обмозгуем это дело. Глядишь и...

Иван выпятил грудь, охнул и схватился за голову.

— Слышь, Мария, он дело говорит, — повернулась к ней Ирина Петровна, поправляя косынку. — Подумай. Мужик-то неплохой. Жалко его, если пропадет. Уж сколько лет вдовцом живет. Подумай. Может, правда, что-нибудь у вас срастется...

— Да на кой ляд он сдался? Семья должна быть крепкой. Соедини две половинки в одно целое — это и есть муж и жена. Что говоришь? Да, к любому человеку можно найти подход. Я считаю так: если сходитьсь — это на всю оставшуюся жизнь, и жить душа в душу, чтобы каждой мелочи, каждому пустячку радоваться, а не для того, чтобы каждый день лаяться или на пьяную рожу смотреть, — взвилась было Мария, но осеклась, когда в бок ткнули кулаком. — А ты не ширяйся, Ванькина заступница! Лучше бы отругала его. Сколько уж горе свое заливает. Знаю, что мужик неплохой. Пора бы за ум взяться, а он за воротник закладывает. Ведь совсем сопьется. Так недолго и с балкона упасть...

Не подумав, сказала сгоряча и прикрыла рот ладошкой, покосившись на Ивана. Видать, пожалела, что о прошлом напомнила.

— Дура, как есть — дура! — рявкнул Иван, рывком распахнул дверь, и с треском хлопнул за собой, поднимаясь по лестнице, продолжал ругаться. — Не язык, словно помело поганое. Говорит одно, а делает другое. С мужиком нужно лаской, как моя Антонина делала, а эта своим языком, как обухом в лоб. Ни один нормальный мужик не согласится с такой бабой жить. Язык мой — враг мой... — И опять повторил: — Дура!

И ругался во весь подъезд, пока не добрался до квартиры. Потоптался возле двери, словно решаясь, а может, о чем-то задумался. Зашел. Захлопнул дверь. Снова прислушался. И заторопился на кухню, где на плите стояла маленькая кастрюлька с прокисшим вермишелевым супом — забыл убрать, а на неубранном грязном столе стояла тарелка с вялыми огурцами, два куска черствого хлеба и стакан.

С той поры, когда он вернулся домой от дочери, прошло поболее трех лет, а словно вчера это было. И каждый раз, когда он открывал ключом дверь, казалось, сейчас распахнет, а на кухне супруга возится как обычно, а сын сидит в своей комнате и занимается. Он любил рисовать. Все стены были увешаны картинками. Сколько альбомов перевел — не счесть, и это теперь осталось памятью о нем, памятью о его семье, которую потерял по своей вине. Иван так и не смог простить себе, что в тот злополучный год попал в больницу и если бы не это, были бы живы и сын и супруга, а теперь... теперь он остался один. Нет, конечно, есть еще старшая дочь, но она так далеко, словно на другой планете живет. Все грозитя приехать, а у самой трое ребятишек и больная свекровь на шее. Ладно, мужик неплохой. В море ходит. Заработки хорошие. Но уходит на несколько месяцев, и получается, что дети, свекровь и хозяйство на дочке.

И она прет, не разгибаясь, как ломовая лошадь. Куда уж тут ехать, если такое ярмо на шее. Ладно, звонит да письма пишет — это уже хорошо. Пусть далеко, но все же они общаются. А чтобы вот так, сесть рядышком, поговорить по душам, доверить самое сокровенное, что другим не скажешь, да просто друг другу ласковое слово сказать — такого человека не было.

Антонина ушла в мир иной, а другую женщину он так и не смог привести в дом. В последнее время и дочка намекала, чтобы женился, ну или хотя бы нашел себе подругу жизни по душе, а он только плечами пожимал и отмалчивался. Какая женщина, если на себя давно рукой махнул. Ну а соседи... Вроде мирно с ними живет, но близко не подпускает. У них своя жизнь, а у него своя, а вот близкого человека, чтобы душу перед ним распахнуть и рассказать все, о чем наболело, — у него не было. Частенько подруга жены, Иринка или Петровна, как ее называют, к нему заходит. Иногда порядок наведет, а если свободное время, что-нибудь приготовит на скорую руку и торопится домой. Мужик должен прийти или дети обещали в гости зайти. И уходит, а он опять остается один на один со своими мыслями и своим прошлым, от которого никуда ему не деться, так и будет его сопровождать до последнего своего часа...

Пока у дочки сидел на шее, она таскала его по всяким врачам и знахарям. Все пыталась к жизни вернуть. Пусть не полностью, а хотя бы частично его восстановить. Что-то восстановилось, а вот нога, собранная из осколков, да плечо, которое столько раз оперировали, — они так и не вернулись в свое положение. Хочешь или нет, но инвалидом остался. И уже ничего не поправишь.

Вернулся домой, надеясь, что родные стены помогут. Правда, ехал, а на душе беспокойно было. Особенно когда подошел к подъезду. Ладно, никого не было возле него. Постоял немного, словно с духом собирался, а потом распахнул дверь и стал подниматься по ступеням. Чем выше, тем медленнее шагал. Поднялся на свой этаж. Ткнул ключ в замочную скважину, повернул и застыл, прислушиваясь, аж головой мотнул, не поверив. Ивану показалось, что на кухне супруга поет. Песню любила про рябинушку, про нее — кудрявую. И всегда ее пела. Особенно если на кухне возилась. Это была бесконечная песня. Много всяких знала, а напевала одну и ту же. И сейчас она стояла возле двери, а открыть не решалась. Казалось, распахни дверь, и увидит жену, как возится на кухне, опять, наверное, что-нибудь стряпает, а сын, как обычно, альбомные листы переводит. И не удержался. Распахнул дверь. Переступил порог. Сумка выпала из руки. И стал озирааться. Захотелось ему крикнуть, а вот и я вернулся. Но в квартире стояла тишина. Затхлый воздух. И такая тишина, аж в ушах зазвенело. Иван не удержался. Присел на краешек стула, что стоял в прихожке, и едва слышно застонал: протяжно и тоскливо — больно...

До утра просидел на диване. Редкий раз поднимался, выходил на балкон, и сразу щемило сердце при виде табуретки, с которой супруга шагнула навстречу сыну, а убрать ее — духу не хватало. Он курил на балконе, потом возвращался в квартиру. Заходил на кухню и подолгу стоял возле окна. Смотрел на редкие проезжающие машины. Вслушивался в голоса, что раздавались в ночной тьме, и еще невольно прислушивался, что вот сейчас, вот оттуда, из спальни донесется голос жены или сонное бормотание сына, а потом торопился туда, где висели на стенах рисунки сына, а на столе лежала стопка альбомов — это все, что осталось на память. А еще сохранились семейные фотографии, когда сын родился, ког-

да с ним гуляли, в садик пошел, а там... Этих «когда», «еще» и «там» было много, и Иван мог часами сидеть и перебирать фотографии, где были он с супругой и сын с дочкой. Столько времени прошло, а боль не утихает. Вроде заглушал ее, пока гостевал у дочки, а она все равно внутри живет. И едва что-то напоминает о сыне или жене, тут же вспыхивает эта самая боль — долгая, щемлящая — тоскливая...

Но жизнь продолжалась. Дня не прошло, как вернулся, — в дверь забарабанили. Подруга покойной жены, Ирина Петровна, примчалась, а вслед за ней Мария — эта рыжая ехидна — зашла. Соседи позвонили им, что всю ночь по квартире кто-то ходил. Уж не воры влезли? Прибежали и ахнули, увидев Ивана, которого столько времени не было дома.

— А что не сообщил? — сразу с порога сказала Петровна. — Мы бы встретили. Здоров был, Ваня! Вижу, немного оживаешь, и лицо прояснилось, а то совсем почернел, когда беда пришла. Ну, как себя чувствуешь, почему не сообщил? — прыгая с пятого на десятое, затараторила Петровна.

— Сам добрался, — буркнул Иван. — Что зря людей беспокоить.

— А может, в магазин сходить? — сказала Мария. — Я бы купила продукты. У тебя же хоть шаром покати. Обед бы приготовила. Ты же с дороги. Кушать хочешь. Что купить, Иван? Я быстренько схожу...

— Сам схожу, если нужно будет, — нахмурился Иван. — Обойдусь без помощников. Пора привыкать к этой жизни.

— У меня суп есть. Вкусный! Только что приготовила... — запнулась Мария. — Может, принести кастрюльку? Покушаешь...

— Без тебя справлюсь, — перебил Иван. — Что пристала со своим супом, как банный лист к заднице? Не успел приехать, уже ломаются в двери. Без тебя обойдусь. Ишь, жалельщица нашлась! Кастрюлю с супом она принесет. Накормит беденького. Пожалее. Да пошла ты...

Иван поморщился и отмахнулся от нее.

— Ну и справляйся, — вспыхнула Мария. — Никто тебя не собирается жалеть. Хотела по-соседски помочь, а он развыступался. К нему с добром, а он...

И она ушла, с треском захлопнув дверь.

С той поры Мария взъелась на него. А Петровна редкий раз, но все же по-прежнему заходила к нему. Помогала по хозяйству. То полы вымоет, то пыль по верхам вытрет. Или постельное белье простирнет, что-нибудь из магазина принесет. И все это старалась делать незаметно, так, словно мимо проходила да забежала на минутку. Но постепенно и она стала все реже и реже заходить, потому что своих забот полон рот.

Если жены в доме нет, чужая не помощница.

Иван снова стал заглядывать в рюмку. Срывался, когда пенсию приносили. А летом, бывало, брал бутылку и уходил на кладбище. Садился возле могилки, где лежали супруга и сын, выпивал и начинал с ними разговаривать. Если бы его увидели со стороны, кто-нибудь сказал, что у мужика крыша поехала, и принялся бы крутить возле виска, а другие молча проходили и махали рукой — болтает, ну и пусть болтает. Никому же не мешает. И каждый шел по своим делам. А Иван сидел и разговаривал с ними, как с живыми. О себе говорил, как ему плохо без них живет, про дочку, что у нее уже трое ребятишек, про соседей, как они живут. Вообще, обо всех новостях рассказывал; а лишнего выпьет — и не замечает, как засыпает там же. А очнувшись, тащится в город.

С годами костыли бросил, но с клюкой не расставался. И плечо болело. Годы прошли, а к непогоде хоть на стену лезь. Подружка жены Ири-

на Петровна частенько заводила разговоры про женитьбу. Даже не про женитьбу, а что в доме нужна женская рука, чтобы женщина за порядком присматривала и за ним, ведь что он может сделать со своей шлепной да приподнятым крылом. Ну, разве только если стакан в руке держать, ехидничала она, но тут же грозила ему, что, если увидит пьяным, сразу его дочери сообщит. Но сама при каждом удобном случае все разговоры сводила к тому, что в доме нужна женщина...

Иван избегал таких разговоров. Он уже привык, что всегда один. А появившись новый человек в доме, еще неизвестно, нашли бы они общий язык или нет. Кажется, для жизни многого не нужно. Просто два человека с разными характерами должны стать одним целым, как у них с Антониной было. А получится ли стать единым целым с другой женщиной — он этого не знал...

Первое время, когда остался в одиночестве, — это слишком тяжело было для него. И дома не мог находиться, и на улицу пойдет, а там везде знакомые места, где они с семьей проводили свободное время. Вон кафе, где ели мороженое. А в парке катались на каруселях. А в этом скверике они с Антониной любили сидеть, когда молодыми были. Планы строили на жизнь. А оно гляди, как жизнь к ним повернулась... Да, тяжело было вспоминать. Слов нет.

И на работу ездил. Но его даже за ворота не пустили. Это производство, а не проходной двор, — и захлопывали перед носом калитку. Петро, да это же я, Иван! Не признал, что ли? Иван стучал кулаком в грудь. Ну как же, признал, но здесь завод, а не парк отдыха. Иди, Иван, иди отсюда, пока проверяющий не появился. Я же нагоняй получу из-за тебя. И прогнали его. Правда, редкий раз встречал знакомых, с кем работали вместе. Постоят, поговорят. Иной раз в пивнушку зайдут, пару кружечек пивка возьмут и разговаривают. Иван в основном спрашивал и жадно слушал, что делается у них на работе. Кто из старых остался, кого выпроводили на заслуженный отдых, кто из новеньких пришел и будет ли толк от них. А помнишь того, ну, Матвея Носова, который в слесарке сидел? Здоровенный такой! Да, припоминаю. Нет его, схоронили. Онкология, твою мать. Не успели глазом моргнуть, начисто сожрала мужика, а ведь в нем было живого весу поболее ста кило, а схоронили одни мослы и череп, обтянутый кожей. И куда смотрит медицина, почему до сих пор не придумают лекарство от этой заразы. И начинались долгие разговоры. Казалось, говорили обо всем, но в то же время — ни о чем. Иван вернется домой, посидит, вспоминая разговор, и пожмет плечами. Вроде много говорили, обо всем расспрашивал, а ничего путного не услышал...

Но первое время, когда из больницы выписался, Иван вообще сторонился людей. Всех. Молодой еще, можно сказать, но уже калека. Инвалид. Он видел, как возле храма сидели нищие и просили подаяние. И вздрагивал, представляя себя среди них. А что? Как раз для него место. Нога покалечена, плеча словно крыло торчит, а из-за этого и голова наклонена в одну сторону, будто он хочет прислониться к этому плечу и взгляд получается исподлобья, а не прямо в лицо. Сесть возле нищих, протянуть руку — и собирай милостыню. Люди будут проходить, кидать копейки в подставленную коробку или фуражку, и ни один не взглянет на него, а если посмотрят, то с презрением — молодой же, а просит. Зачертыхался Иван. Лучше голодным быть, чем сидеть с протянутой рукой. И уходил к реке. Забирался в глушь, усаживался на берегу и думал, поглядывая на воду. О чем думал? Да обо всем и о жизни — тоже.

...Иван сидел на скамейке возле подъезда. Нога болела, никакого спасу нет, хоть волком вой, хоть об стену головой — ничем не уймешь эту боль. Врачи говорили, так и будет к непогоде. Чем старше станешь, тем сильнее будет болеть. Новую ногу пришить не получится. Радуйся тому, что смогли твою сохранить, а боли — от этого никуда не денешься. Будешь принимать лекарства. Вылечиться не получится, но боль можно заглушить.

Он поморщился, растирая ногу. Чуть не охнул, когда ее словно прострелили. Мимо промчались ребятишки. Иван невольно взглянул вслед, а у самого в голове мелькнуло, что вот и его сын так бегал, а сейчас... Он вздохнул. Да, так и будешь жить воспоминаниями.

Иван мельком окинул взглядом заросший двор, посмотрел на дом, где были видны лишь верхние этажи, а остальное заслоняли деревья. Вон как разрослись! А когда-то двор был голым. Все как на ладони. Ни тенька, ни кусточка. Помнится, он уговаривал жителей выйти на субботник или воскресник, чтобы сделать палисадники и посадить хорошие красивые деревья — скажем, клен и березы. Помогли плотнику из домоуправления: с мужиками лавочки сколотили и вкопали, поставили беседку, сделали небольшую детскую площадку с песочницей. Вот уж радость для ребятни! И женщины не отставали. То клумбочки сделают, то цветами займутся перед своими окнами. Двор заиграл. Красивый стал, ухоженный. С той поры, если взглянуть, много воды утекло. Некоторых жильцов уже нет. Одних схоронили, другие переехали, а на их место новые соседи заселились.

Иван вздохнул, вспоминая прошлую жизнь, и вдруг нахмурился, аж брови сошлись на переносице: увидел соседку, эту пигалицу, Марию, — рыжую ехидну, как называл он ее. Поругались, когда он вернулся. С той поры не могли общий язык найти. С виду баба хорошая, но живет одна, и язык у нее — Бог семерым нес, одной достался. Попробуй сунуться к ней, так отбреет, с неделю икать будешь. Да еще на весь двор опозорит. Все Машкины беды от длинного языка, как Иван говорил. Поэтому без мужика живет, что ни один нормальный мужик не станет с такой ехидной жить. Иван наизусть выучил ее характер. Сколько лет прожили в одном подъезде, а общий язык не нашли. Возможно, сам виноват. Женщина с характером, а он взял и оттолкнул ее, когда они с Петровой зашли к нему после возвращения. Она же хотела помочь ему, а в нем вызвала мужская гордость, что справится сам, да еще прошлое вспомнилось, когда вернулся. Ну и того... разлаялись. С той поры Мария особенно взъелась. В общем, стали врагами. Иван покосился на нее, опустил голову, словно не заметил, и полез в карман за сигаретами. Он даже пожалел, что решил посидеть на лавочке. Мария вышла из подъезда, постояла, посматривая по сторонам. Взглянула на чернущую грозовую тучу, которая нависла над городом, на деревья, что зашумели под порывами ветра. И тоже нахмурилась, заметив Ивана на скамейке. Хотела было вернуться домой, но приостановилась, а потом направилась к скамейке. Иван вздохнул. Все, сейчас начнет читать мораль...

— Не с кем выпить или на бутылку не хватает? — не удержалась, съехидничала Мария, присаживаясь на краешек скамейки. — А, забыла... Ты же у нас алкаш-одиночка. Одному больше достанется, да?

И меленько засмеялась.

— Дура, как есть — дура! — рявкнул Иван, хотел подняться, но охнул и снова уселся, схватившись за ногу. — Я в аптеку собрался. Лекарства закончились. Сунулся, хоть шаром покати. Спустился на улицу и

понял, что до аптеки не дойду и обратно не смогу подняться. Сижу, в себя прихожу. Нога болит. Сама видишь, как погода крутит, спасу никакого нет. Здесь хоть в петлю головой, а ты — алкаш, алкаш...

— А что, сунулся бы в петлю, все равно живешь — ни себе ни людям. Бултыхаешься, как дерьмо в проруби, а так бы сразу все проблемы снял, — снова съехидничала Мария. — Всем миром бы схоронили. Я бы даже на букетик цветов не пожалела. Тебе какие нравятся — гвоздички или каллы? Ну так, на всякий случай спрашиваю... Вдруг да пригодятся. Я бы их собственноручно на могилку положила. Знаешь, Иван, ты пьешь — и другие мужики, глядя на тебя, за воротник закладывают. Бабы лаютя, а мужики пальцами на тебя указывают. И пьют, сволочи, а всю вину на тебя валят! Дурной пример подаешь, алкашенок. Эх, лучше бы нашел путную бабу и женился. Глядишь, за ум бы взялся. А так... — она махнула рукой. — Я всегда говорила, что мужики — они слабаки. Чуть что, сразу ломаются и начинают в рюмку заглядывать. Прямо как ты. Был человеком, а стал алкашонком.

И опять маленько засмеялась.

Иван засопел. Эта ехидна при случае всегда его называла алкашонком, словно у него имени не было. И постоянно с ехидцей, с подковырками, аж хотелось вскочить и треснуть по ее рыжей башке, но нельзя — это женщина, как ни крути. Пусть вредная, но баба...

— Ехидна рыжая, врезать бы, да не приучен на бабу руку поднимать, — медленно, с расстановкой выдавил из себя Иван, кое-как поднялся и, опираясь на клюку, потащился к подъезду. — Рано меня хоронишь. Рано! Не дожدهшься! Вот уж уродилась червоточина. Путную бабу не найдешь, но и такая не нужна. Правильно, лучше в петлю, чем такую жену иметь.

Он повернулся и ткнул в нее пальцем.

— Дурак, может быть, в петлю полезет, а умный станет на руках носить, — вслед донеслось, и раздался громкий смех. — Ну, тебя это не касается. Ты к первым относишься. Ну, к тем, кто в петлю лезет, а отсюда следует, что ты — дурачок!

И еще громче расхохоталась.

— Видать, на твоем пути одни лишь дураки встречались, если до сих пор умного мужика найти не можешь, поэтому одна живешь. Вот ты и есть, что ни себе ни людям, — не удержался, вспыхнул Иван. — Потому что умный не позарится на такое добро, как ты! С тобой жить, только время тратить.

Мария умолкла на мгновение, услышав его ответ, а потом снова принялась смеяться.

Иван думал, что это ее разозлит, и не ожидал, что она засмеется, и готов был клюку в нее бросить, но запыхтел, распахнул дверь, зашел в подъезд и с размаху захлопнул дверь. И ругаясь, стал подниматься по лестнице.

— Дура, как есть — дура! — ругался Иван, с трудом поднимаясь по ступеням. Хотел было плюнуть под дверь, где жила Мария, но не стал так низко опускаться. — Лучше бы в аптеку сбегала, чем оскорблять. Видит же, что нога болит, а ей хоть бы хны. Все мстит за старое! Вот уж уродилась червоточина!

— Что лаешься, Иван? — распахнулась дверь, и на площадке появилась высокая дородная Лариса Николаевна, его бывшая начальница участка на заводе. — Что ругаешься, говорию? На весь подъезд разорался.

Она неторопливо захлопнула дверь и повернулась к нему, поправляя яркую косынку.

— Ай, опять с ехидной повстречался... — Иван махнул рукой и невольно вцепился в перила, когда шатнуло на больной ноге, на которую оперся. — Ох, мать твою так! Аж в глазах потемнело! Хотел в аптеку за лекарствами сходить, да куда по такой погоде тащиться. Того и гляди ливанет. А тут эту зловредную ехидну принесло. Вот я и психанул, ушел домой, лишь бы с ней не лаяться. Еще смеется надо мной, сволота! Из-за нее я остался без таблеток.

Он приостановился, принялся растирать ногу.

— Не обращай внимания на Марию!.. — хохотнула бывшая начальница. — У нее тоже жизнь не сахар. Сколько лет одна. А баба должна жить для кого-то — это в каждой женщине заложено. А у нее никого не осталось. Только ведь всякая баба хочет тепла, чтобы ее обняли, приласкали, пожалели, и тогда она все сделает, было бы для кого делать. Одна живет... — И словно с трибуны сказала, подняв кулак, и рубанула: — С людьми нужно общий язык находить, а с бабами тем более, потому что в первую очередь она — женщина, которую нужно любить, ну в крайнем случае, уважать, а все остальное — это шелуха. Вот так, Иван!

Сказала, опять рубанула рукой и принялась спускаться по лестнице.

— Ага, женщина... А ты попробуй-ка, найди язык, приласкай эту ехидну, — вслед сказал Иван. — Не то что руку откусит, самого сожрет и не поморщится. Хорошая женщина не станет лаяться, как Мария, а подход бы нашел к мужику. Вот, к примеру, как моя Антонина делала. А у этой же Марии все наоборот получается. Наизнанку вывернется, лишь бы носом ткнуть. Пусть дураков в зеркале ищет, которые согласятся ее жалеть, а мне еще жить хочется.

Он пробормотал, прислушался к грузным шагам соседки, вздохнул и снова стал подниматься по ступеням, но боль его остановила: тягучая, изматывающая. Уже терпения на нее никакого не хватает.

— Ох, что делается-то! Страсти господни, как говаривала моя Антонина! — вскрикнул Иван в дверях подъезда, пытаясь рассмотреть сквозь плотный ливень дорогу в сторону аптеки. — Здесь здоровому человеку утнуть недолго, а я, калека, куда собрался?

Сказал и снова сморщился, схватившись за ногу. В такую непогоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. А ему хоть плачь, а до аптеки нужно добраться. Иначе до утра не дотянет. От боли в петлю полезет. Подумал и снова застонал, растирая ногу. А потом все же решил: хоть потоп, а нужно пойти за лекарствами.

И не дошел. Споткнулся, когда пытался перейти поток воды на дороге, не заметил колдобину, нога скользнула, и Иван со всего размаха рухнул.

Очнулся он в машине «скорой помощи», которую вызвали случайные прохожие. На помощь бросились. Побоялись, что захлебнется человек в потоке грязной воды. Вытащили на обочину, а у него голова разбита и ступня вывернута. Повредил, когда упал. Так Иван оказался в больнице...

Врачи вправили распухшую ступню. На всякий случай сделали рентген, но, слава Богу, только вывих. Отругали, что долго не был в поликлинике, а за здоровьем нужно следить, если хочет прожить до ста лет. Голову перебинтовали. Небольшое сотрясение и глубокая ссадина, на тылке. Ничего опасного, как сказали, но из больницы отпускать отказались. Полежи. Отдохни. И подлечись, а то стал похожим на ходячий ске-

лет. И принялись лечить его ударными дозами, как сказал врач. Разные таблетки три раза в день, уколы, а еще капельницы и всякие процедуры в физкабинете. В общем, ему показалось, что дома больше отдыхал, чем в этой больнице. Но пришлось подчиниться врачам.

Днем ковылял с клюкой по кабинетам, после обеда тихий час, а затем — часы приема посетителей, когда многие больные уходили на прогулку в здешний парк со своими родными или знакомыми. Возвращались с пакетами и авоськами. Ивана угощали. Кто яблоко сунет, кто пирожок или парочку пряников положит, чтобы чай попил. Видели, что к нему никто не приходит, поэтому старались не то, чтобы подкормить, а просто угостить. Иван стеснялся безвылазно сидеть в палате и часто уходил в столовую, где был телевизор, и смотрел все передачи подряд, лишь бы побыстрее вечернее время пролетело. На ночь выпросит сонную таблетку и спит до утра. А утром снова все по кругу. Умылся, завтрак, обход, процедуры и телевизор допоздна, пока спать не отправят в приказном порядке.

Только это все лучше, чем дома. Здесь хоть соседи по палате, с кем можно поговорить или послушать, о чем они рассказывают, а в родных четырех стенах тоска зеленая, не с кем словом перекинуться.

Но однажды в один из вечеров, когда часы приема закончились и больные вернулись в палаты, Ивана вдруг окликнула медсестра.

— Меня зовешь, что ли? — он исподлобья посмотрел на молоденькую медсестру и шприцы, которые она держала в руках, а потом взглянул на часы, висевшие в коридоре, и развозмутился. — Опять на уколы? Мне же отменили. Не видела, что ли? Так загляни в журнал! Оставили только один на ночь. На выписку готовлюсь. Отстань с уколами! У меня вся задница в дырках, как решето.

— Не ворчи, Воронин, — медсестра кивнула головой в сторону дверей. — К тебе посетительница пришла. В палату не пропущу, так и знай... — Она воинственно взглянула на него. — Сколько можно говорить, чтобы в отделение не приходили, а она приперлась. Часы приема закончились. К тебе допуск не делали. Возьму и не пущу! Нечего грязь по больнице разносить... — Потом оглянулась и снисходительно махнула рукой: — Ну ладно, Воронин. В коридоре поговорите.

Сказала и, мелко шагая, засемила в ординаторскую.

Чертыгнувшись, Иван прищурился, стараясь рассмотреть в конце полутемного длинного коридора, кто к нему пришел. Дочка далеко. С соседями мирно жил, но в последнее время не общался. Так что никто не знает, что он в больницу попал. И с работы не появятся. Они уж забыли, что такой человек, как Иван Воронин, еще живет на белом свете. Некоторые из старых знакомых удивлялись, встречаясь с ним. Говорили, что слух прошел, будто его похоронили. И так уже несколько раз было, что раньше времени на кладбище снесли.

Иван пожал плечами. Странно, никто не должен прийти... Но в то же время кто-то ведь его ждет! И Иван неторопливо направился в конец коридора, где на узенькой лавочке напротив ординаторской в полусумраке виднелась маленькая фигурка.

И чуть было не развернулся назад ковылять, когда увидел соседку Марию — эту рыжую ехидну, которая аккуратно пристроилась на лавочке — невысокая и худенькая, словно подросток. Чуть сгорбившись, она сидела на лавке, о чем-то задумавшись, в руках теребила платочек, иногда вскидывала голову и внимательно всматривалась в редких больных, которые заходили в отделение.

Иван чертыхнулся. Глазам не поверил. Головой мотнул и охнул, когда тягучая боль стала пульсировать внутри. Остановился. В голове мелькнуло, что не к нему пришла эта ехидна. А тогда кто же к нему пришел? Иван огляделся. Пожал плечами. Вытянул шею, пытаясь рассмотреть, кто стоит на лестничной клетке и снова пожал плечами. Там никого не было. Наверное, медсестра ошиблась. Не Воронина позвали, а Воронова, который лежал напротив в палате и их частенько путали, то ошибочно в зал свиданий вызывали, то чужую передачу заносили. Вздохнув, он повернулся и потихонечку направился к себе, чтобы эта ехидна не увидела его, а то снова свой зловредный язык распустит. Не хватало, чтобы в больнице разругались.

И вздрогнул, когда она его окликнула.

Иван повернулся. Нахмурился и снова мотнул головой. Может, померещилось? Но эта ехидна, Мария, сидела и приятно смотрела на него. Но самое странное, даже не странное, а тут не знаешь, как это назвать — она смотрела на него и улыбалась как-то виновато и даже ласково, что ли, как ему показалось.

— Вань, — тихо сказала Мария, — а я к тебе пришла. Вот поведать решила.

Сказала, снова взглянула на него, опустила голову и затеребила платочек.

— Зачем приперлась? — бухнул Иван и подозрительно взглянул на нее: что-то соседка ласково стелет, как бы спать жестко не пришлось. — Я никого не жду. Иди отсюда. Прошу тебя, уйди по-хорошему, а то снова разобьешься. Еще не хватало скандалить в больнице. Мне уже эта наша с тобой вечная ругань вот здесь сидит.

Сказал и провел ребром ладони по горлу.

— Вань, не ругайся, — мирно сказала Мария. — Случайно узнала, что в больнице лежишь, и решила поведать. Дома как отшельник живешь, шуток не понимаешь — ни поговорить, не посмеяться с тобой, сразу в кошки-дыбошки, а тут, кроме больных, и пообщаться не с кем. Вот я и...

Сказала и замолчала, взглянула на него и опустила голову.

И это было непривычно, как непривычно, что она не назвала его алкашонком, как частенько бывало, а по имени, да еще ласково — это было не странно, а даже пугающе, что ли... Иван мотнул головой и не удержался, охнул, схватившись за голову. Опять тягучая боль медленно запульсировала внутри.

— Голова болит? — участливо сказала Мария и похлопала по скамейке. — Присядь, отдохни немного. Глаза закрой и потри виски. Сейчас пройдет боль. Я всегда делаю так, если мучают боли. Главное — не делай резких движений.

И опять Иван мотнул головой и скривился. Он все ожидал, но не этого, что к нему припрется ехидна — враг номер один, как называл ее Иван. Она сидит и глядит на него, да еще советы дает, а в ее глазах не видно привычного ехидного взгляда. Мария долго смотрела на него, и ему вдруг показалось, что сейчас она поднимется и пожалеет его.

— Зачем пришла? — опять сказал Иван, опираясь на клюшку. — Что ты хочешь от меня? Иди, иди отсюда...

С недоверием посмотрел на нее и махнул рукой.

— Ваня, я же говорю, что к тебе пришла, — сказала Мария. — Сама пришла, первая, чтобы помириться с тобой. Хватит лаяться нам. Я устаю от этого. Пришла, чтобы посидеть и поговорить по душам. Правду го-

ворю. Не смеюсь. Знаю, что не веришь, что станешь гнать, но все же собралась и пришла, потому что на себе испытала, что такое это одиночество. Много лет никому не доверяла, никого в душу не пускала. И ругалась с тобой, на то были свои причины... — Она вздохнула, помолчала и снова взглянула. — Мы похожи с тобой, как две капли воды. Ты уж извини меня, дуру этакую. Просто мелчком услышала, что попал в больницу, и душа заболела. Не знаю, не могу объяснить, но вот тут все сжалось, — и она ткнула в грудь. — Знакомая женщина сказала, что видела тебя, когда на машине увозили — худого, нескладного и с разбитой головой. У меня внутри все сжалось, когда услышала. А сегодня поднялась и решила, что проведу. Вот пирожочков напекла с луком и яйцами, с сливером, а еще с повидлом. Чай попьешь. Ну и так, по мелочи принесла... конфетки там, печенье... Авось пригодится. А не будешь, так соседям по палате раздашь. Угостишь их.

И приподняла пакет, который стоял возле нее.

— Зачем притащила? — нахмурившись, сказал Иван. — Мне вполне хватает больничной еды. — И не удержался, съехидничал, не поверив ее словам: — Твой пирожок съешь, а потом будешь всю ночь на горшке сидеть... или крысиного яду подсыпала? От тебя все можно ожидать, потому что мужиков на дух не переносишь, а меня тем более. Ты же не баба, а ехидна настоящая...

— Дурак, — взвилась, было, Мария, но тут же осеклась и устало вздохнула. — Не ругайся, Вань. Просто я хорошо знаю, что такое одиночество. Уж сколько лет одна живу. Устала от этой жизни. Был муж. Пылинки с него сдувала. Холила-лелеяла. Надеться не могла. Ради него жила. И прожили-то всего ничего. С полгода прошло, как расписались. В реке утонул. Не нашли. Любила его. Сильно! С той поры зареклась, что ни одного мужика к себе не подпущу. И не подпускала, хотя многие ко мне сватались. Всю жизнь одна прожила. Ни мужа, ни детей, ни родни. Одна, как перст. Ну а на тебя взъелась потому, что ты похож на моего мужика. Худой и нескладный, и прихрамывал — это у него с детства было. Идет по улице, ногу подволакивает, а плечо вперед, словно дорогу пробивает, фуражка на глазах, а сам улыбается. У него была широкая душа: добрый, ласковый и умел радоваться каждой мелочи, каждому пустячку. И его тоже звали Ванечкой... — Она замолчала, задумалась, видать, прошлое вспоминала. Морщины на лбу узкие и глубокие. Долго молчала, потом на Ивана взглянула. — Жизнь любил, а я не уберегла его. До сей поры себя виню, что разрешила искупаться в речке. Вот с той поры повадилась ходить к реке. Сяду на берегу, где он утонул, и разговариваю с ним. А вода журчит, что-то нашептывает, словно он отвечает. А посмотрю на тебя, и будто сердце в кулак сжимает. На тебя похож был, как обличьем, так и характером. Поэтому гнала от себя. Боялась. Много лет боялась, а тут, когда узнала, что ты в больнице... — И снова замолчала, и опять посмотрела. — Но жизнь продолжается. Надо как-то жить, а как? Подскажи, Ванюш... И так все долгие годы одна была. Ладно, днем еще с соседками поговорю, над мужиками посмеюсь, а вечерами хоть в петлю головой, как ты выражаешься. Вот и мне хочется головой об стену от этой зеленой тоски. Сижу вечерами, а поговорить не с кем. И такая боль на душе, что словами не передать. Ты не ругайся, Ванечка. Сама не знаю, что это со мной...

Сказала и взглянула на него, а в глазах-то слезы...

Иван растерялся. Не поверил словам, но глаза-то не врут! И эти сле-

зы... Хотя, как говорится, бабьи слезы — это лекарство от всех напастей. Поплакала, себя пожалела, и душа запела. Может, и сейчас так же? Он снова покосился на Марию, которая сидит, плечики поникли, и головы не поднимает. Может, задумалась, а может, над ним смеется — ему же не видно. И никогда не знаешь, что ожидать от нее. Вот сейчас сидит, а голову поднимет и расхохочется. И вздрогнул, когда Мария подняла голову. Взглянула, а в глазах слезы. И это было непривычно и непонятно, но в то же время не могла же она обманывать, когда про своего мужа говорила. Впервые рассказала. Впервые душу приоткрыла. А как ему быть — он не знал...

Иван потоптался, продолжая молчать, и прислонился к стене. Молчала и Мария. Потом она поднялась. Протянула пакет.

— Возьми, Вань, — сказала она, посмотрела на него, и Ивану показалось, что взгляд не привычный, ехидный, а простой, бабий, взгляд страдавшей женщины, которая всего-то и хочет от жизни, чтобы ее пожалели и приласкали. Хочет всего лишь простого бабьего счастья, а больше ей ничего и не нужно. Недолюбила она в этой жизни, недоласкала, а всему виной — ее прошлое, которым жила, которое стеной стояло перед ней, и, скорее всего, сейчас это прошлое дало трещину, пусть небольшую, но все же. — Возьми, Ванечка...

И опять протянула пакет.

Иван нахмурился. Закряхтел. Мотнул головой. Охнул от тягучей боли. Опять взглянул на нее, и снова перед ним бабий ждущий взгляд. Сердце трепыхнулось, показалось, даже биться перестало, а потом заработало неровными толчками. И что-то сдвинулось в его душе, когда он взглянул ей в глаза. Всего лишь чуть-чуть, но все же... И это было непривычно, но в то же время очень и очень дорого, хотя Иван старался не признаваться себе и гнал такие мысли, потому что давно списал себя, ни на что не надеясь, но сейчас...

— Ладно, Маш, — непривычно для себя он назвал ее по имени, взял пакет, помедлил и снова повторил. — Ладно, Маш, иди домой. Уже поздно. Темнеет. Завтра обещали меня выписать. Что говоришь? Встретить? Нет, не нужно. Сам доберусь. Потихонечку. Тут же недалеко. Вернусь, а потом поговорим. Обо всем будет разговор. О прошлой жизни поведаем, а может, про будущую поговорим, если получится, ну и про нас с тобой — тоже, как мне кажется. Думаю, разговор будет долгим. Нужно разобраться в себе и понять друг друга, если сможем, и что из этого получится — время покажет...

Сказал, протянул руку, хотел было дотронуться до ее плеча, всего лишь чуть-чуть, едва касаясь, но не решился. Вздохнул и потихонечку направился в палату.

А Мария заторопилась. Завтра он вернется домой, а потом... а потом, она очень надеялась, что придет время, пусть не сразу, но должно, даже обязательно должно прийти, и тогда смогут соединиться две половинки в одно целое, и в дальнейшей жизни ее будет ждать простое, но такое долгожданное и необъятное бабье счастье, когда радуешься каждой мелочи, любому пустячку или простой, но милой улыбке. Счастье, которое она слишком рано потеряла, но изведав сполна вкуса его, а больше ей ничего в этой жизни и не нужно.